

его с частными, нередко занимавшимися преимущественно спекулятивными операциями. Морозан отдаёт дань либеральной и народнической традиции, упрекая руководство филиала в слабом кредитовании мелких предпринимателей. Но почему собственно именно их непременно следовало поддерживать и опекать? Ведь вся экономическая история XX — начала XXI в. свидетельствует о решающей роли крупного и среднего бизнеса.

Историк справедливо указывает на то, что консервативная, а точнее — осторожная политика Государственного банка (как и наиболее значимых коммерческих) стимулировала появление обществ взаимного кредита, а также, кстати, и небольших городских банков⁵. Конечно, это приводило к удорожанию кредита для тех же мелких предпринимателей. Но и риски их были выше.

В целом же новая книга В.В. Морозана может служить образцом для изучающих провинциальные отделения Государственного банка, а представленный в ней огромный факти-

ческий материал делает её солидным справочником по экономической истории России. Количество обнаруженных в тексте погрешностей минимально. И в этом нельзя не увидеть заслугу издательства «Дмитрий Буланин», которое давно уже специализируется на выпуске настоящих шедевров книжной продукции.

Примечания

¹ Бугров А.В. Московская контора Государственного банка и экономика Центрального промышленного района, 1860—1914. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. См. также: Бугров А.В. Московская контора Государственного банка Российской империи. М., 1999; Бугров А.В. Государственный банк в Москве. 1860—1917 гг. М., 2010.

² Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003.

³ Морозан В.В. Бессарабия и её дворянство в XIX — начале XX в. Т. 1—2. СПб., 2018.

⁴ Никулин В.Н. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX — начале XX века. Калининград, 2005. С. 231—315.

⁵ Кириллов А.К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2003.

Сергей Войтиков

Новая книга о Леониде Красине*

Sergey Voytikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

New book about Leonid Krasin

DOI: 10.31857/S2949124X23050176, EDN: OKYAJP

Исследователи истории РСДРП нередко попадают под обаяние личности Л.Б. Красина, ставшего, наряду с В.И. Ульяновым (Н. Лениным), А.А. Малиновским (Богдановым) и А.М. Пешковым (М. Горьким), одним из основателей большевистской

фракции. Не случайно его жизненный путь освещался чаще, чем, к примеру, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева или А.И. Рыкова. Новую его биографию создал кандидат исторических наук В.В. Эрлихман, ранее более известный своими переводами Беды Достопо-

* Эрлихман В.В. Леонид Красин: Красный лорд. М.: Вече, 2022. 416 с. (Серия «Страницы советской и российской истории»).

чтенного и книгами о короле Артуре, Робине Гуде, Ж. д'Арк, М. Нострадамусе и С. Кинге.

В Прологе справедливо сказано, что при И.В. Сталине Красина, по сути, «объявили “небывшим”» (с. 18), и только в конце 1950-х гг. его имя «стало появляться в опубликованных воспоминаниях таких ветеранов партии, как Н. Крупская, Г. Кржижановский, Н. Буренин» (с. 19). В 1960-х гг. Леонида Борисовича изображали «истинным “бойцом ленинской гвардии”, лишённым страха и сомнений твердокаменным большевиком», умалчивая про факты, не укладывавшиеся в оттепельный канон¹, которому «образ Красина оказался удивительно созвучен». При этом «особых находок» биографы «не совершали, просто пересказывая с разной степенью беллетризации воспоминания героя и его современников». Когда же вышел роман В.П. Аксёнова «Любовь к электричеству», Красин «впервые стал героем художественной книги, во многом вернувшей ему популярность» (с. 19). В этом произведении он, по словам Эрлихмана, «исподволь представляется не только героем революции, но и её жертвой, новым Фаустом, которого заманивает в свои сети Ленин — Мефистофель» (с. 20). Однако к концу столетия интерес к биографии Красина в России, как ни странно, угас. Лишь отдельные её «страницы», связанные с иностранными концессиями и кредитами, получили освещение в монографии С.С. Хромова. Правда, по словам Т.Л. Тарасовой-Красиной, дочери большевика, «из всего, что написано о её отце, это «самое глубокое исследование жизненной позиции, его поступков, мыслей и стремлений»². Гораздо чаще появлявшиеся в 1990-х гг. «откровения» отличались «дешёвой сенсационностью и оголтелым антикоммунизмом» (с. 21). Разумеется, Эрлихман не отрицает, что

Красин «делал бомбы для терактов, создавал дружины боевиков, пытался печатать фальшивые деньги и ввозить в Россию оружие из-за границы», он лишь призывает всё это «рассматривать в историческом контексте, в рамках кровавого революционного противоборства, участников которого можно осуждать, но нельзя навязывать им мелкоуголовные ярлыки нашего времени» (с. 21).

Характеризуя зарубежную историографию (в библиографии перечислены более дюжины англоязычных публикаций 1970–1992 гг. (с. 406–407)), Эрлихман упоминает лишь написанную в 1992 г. работу Т. О'Коннора³. «Объективная, написанная на базе множества источников и к тому же неплохо переведённая», она «практически не касается личности Красина, его быта и личной жизни», но всё же «остаётся лучшей его биографией», хотя и «не учитывает документов, открытых или рассекреченных в более поздний период» (с. 19). Среди этих материалов Эрлихман особо выделяет письма Леонида Борисовича Горькому и своей жене — Л.В. Красиной (Миловидовой), её мемуары, а также воспоминания советских невооруженцев С. Либермана, А. Нагловского, М. Ларсонса (Лазерсона) и старого друга Красина Г. Соломона (Исецкого), который, сообщая «множество занимательных подробностей», в то же время «нередко путает факты или сознательно искажает их», представляя своего приятеля в невыгодном свете (с. 43, 208–209). Действительно, каждое свидетельство Соломона нуждается в тщательнейшей проверке. Тем не менее Эрлихман настаивает на ценности этого источника.

Так или иначе, нельзя не согласиться с тем, что «жизнь Красина, как и других руководителей и активистов большевистской партии, нуждается в новом, внимательном прочтении на

основе всех имеющихся документов» (с. 23). Стремясь к этой цели, Эрлихман изучил не только опубликованные источники, но и 30 дел из 12 фондов четырёх архивов (РГАСПИ, ГА РФ, РГАЭ и РГАЛИ). В разделе «Библиография» указан ещё фонд компании «Сименс-Шуккерт», хранящийся в ЦГИА Санкт-Петербурга (с. 399), однако ссылок на него в примечаниях нет (с. 374–388). Судя по ссылкам, больше всего было использовано дел из фондов Наркомата внешней торговли (6), Особого отдела Департамента полиции МВД (4), а также личного фонда Л.Б. Красина в РГАСПИ (4). Но чаще всего автор ссылается на мемуары Соломона (ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 658).

Книга разделена на четыре части (по 3–4 главы в каждой), и в них Леонид Борисович последовательно предстаёт как «волонтёр» (1870–1902), «инженер» (1902–1908), «пенсионер» (1908–1918) и «коммерсант» (1918–1927) революции.

Революционер вырос во вполне благополучной дворянской семье, будучи примерным сыном властной и умной матери, любившей стихи М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова. Впрочем, будучи «технарём», сам «Леонид вообще не был усердным читателем» и «относился к литературе немного свысока, как к чему-то необязательному» (с. 30–35). С детства он, по свидетельству его младшего брата Германа, «отличался большой общительностью», «играл между товарищами организаторские и командные роли... и при всяких официальных выступлениях и торжествах... неизменно бывал в первых рядах как наиболее разбитной и толковый из учеников» (с. 38).

Выявленная в архивах переписка Красина с родителями отражает ход его знакомства с марксизмом. «По части чтения нами за этот год сдела-

но много, — сообщал он в октябре 1889 г. о своих занятиях в нелегальном студенческом кружке, — прочли уже почти всего Маркса — книжища в 600 страниц, причём по составлению конспектов к этому самому Марксу на мой пай выпала львиная доля — страниц 300» (с. 58). В то время большая часть мыслей Красина, по собственному его признанию, была «направлена преимущественно на эту книгу». Молодые люди явно спешили найти себе применение в жизни: «Нынешним годом мы покончили с теорией политической экономии, а с будущего — примемся за экономическое положение России, изучение которого покажет или, по крайней мере, должно показать, куда лучше направить свою деятельность» (с. 58–59). Уже в январе 1890 г. Красин уверенно заявлял: «С Марксом мы, к немалому многим удивлению, покончили, и теперь по общественным наукам трудных книг на русском языке для нас не существует» (с. 60). Ему даже посчастливилось, как утверждает Эрлихман, в одной из дискуссий одолеть П.Б. Струве (с. 61).

Ещё во время первой ссылки у Красина проявились задатки будущего лидера «примиренцев» и, по выражению Ленина, «финансового самодержца» ЦК РСДРП. Присоединившись к революционному Красному Кресту, помогавшему политическим арестантам, Леонид Борисович, как вспоминал Соломон, «в скором времени был избран в кассиры и являлся, по существу, почти единственным практическим его деятелем». В частности, «он находился в связи с пересыльной тюрьмой, и ни один этап не проходил без того, чтобы Красин не встретил его и не помог ссыльным деньгами, вещами, провизией, советами и разными хлопотами» (с. 85).

Видимо, уже тогда складывались такие черты его характера, как отмеченные современниками педантизм

(с. 97), прагматизм (с. 244), высокомерие и злопамятность (с. 90). Довольно рано частью его природы стало и некое раздвоение личности «подпольщика» и «светского льва» (с. 99). Исходя из прагматических соображений, Красин (как и Ленин), был готов к заключению почти любых тактических союзов. Подпольная типография под его руководством за деньги печатала материалы эсеров и других антиправительственных организаций, а на «протесты зарубежных искровцев» он отвечал, что «все революционеры должны помогать друг другу в решении главной задачи — свержения царизма» (с. 105–106).

Не изучив достаточно основательно материалы съездов и конференций РСДРП, автор книги не смог в полной мере показать реальный вес Красина среди большевиков после 1903 г. (с. 107). О'Коннор совершенно верно видел в нём «серьёзного конкурента Ленина» (с. 109). А в начале Первой русской революции Красин фактически оказался «единственным лидером социал-демократов в России: все остальные были под арестом или в эмиграции» (с. 118). Более того, он «настаивал, что пока РСДРП руководят из-за границы эмигранты-литераторы, партия поставленных целей не добьётся. В этом отразилось его всегдашнее презрение к “болтунам”, не способным ни к какому практическому делу» (с. 120). Данная фраза отражала давний конфликт, существовавший между «литераторами» (идеологами, публицистами) и «практиками» в РСДРП.

Говоря о финансировании большевистской партии, Эрлихман отрицает причастность Красина к самоубийству С.Т. Морозова и гибели Н.П. Шмита (с. 130–139), но признаёт, что «немалая часть большевистских финансов добывалась криминальными с общепринятой точки зрения методами. По той же

причине Большевистский центр после 1906 года тщательно скрывал сведения о своём бюджете» (с. 139). Впрочем, в целом эти сюжеты по-прежнему остаются недостаточно изученными. Гораздо лучше в тексте показано, как Красин руководил Боевой технической группой: «Несколько раз он лично во время испытаний “панкластита” бросал бомбы и с секундомером в руках следил за временем взрыва и затем бегал измерять радиус поражения. Он был очень увлечён “панкластитными” бомбами и считал, что они должны сыграть роль основного оружия в борьбе пролетариата с царизмом» (с. 155). Не случайно именно Красин являлся основным разработчиком плана проведённого 13 февраля 1906 г. «экса», в ходе которого погибли четыре человека (с. 159). Вместе со Сталиным он готовил и самый громкий «экс», осуществлённый 13 июня 1907 г. в Тифлисе и сопровождавшийся «стрельбой и взрывами» (с. 167).

С ответственностью за финансирование партии автор книги отчасти связывает отход Красина от революционной деятельности. «Держать десятки подпольщиков, — вспоминал Леонид Борисович, — оплачивать квартиры, занимавшие иногда несколько смежных владений с тайниками и прочими техническими фокусами, а главное и самое ужасное, оплачивать бумагу и ежедневные расходы по транспорту печатных изданий во все уголки тогдашней России, — всё это требовало весьма и весьма значительных сумм, а между тем через мои руки как главного финансиста партии проходили в то время буквально гроши» (с. 165). Но сказывалось, конечно, и то, что, «как и большинство социал-демократов после поражения революции, он с пессимизмом смотрел на возможность скорого повторения событий 1905 года и готовился к долгим годам жизни на чужбине, вдали от

близких, от родных мест, а главное — от живого, настоящего дела. Впрочем, последнее Красину не грозило: он, в отличие от многих революционеров, имел профессию, любил её и был готов заниматься ею не только дома, но и за границей» (с. 174, 175). В итоге, после 1908 г. он предпочёл дистанцироваться от политической борьбы и стал одним из видных «менеджеров» Российской империи.

Тем не менее Красин поддержал Богданова в его конфликте с Лениным (с. 177), высказавшись за бойкот Думы и рекомендовав сосредоточиться не на легальной работе, а на подготовке новой революции (с. 181). Когда же Богданова исключили из руководства фракции, Красин отправил ленинской группе возмущённое письмо: «Впредь до отмены этих незаконных, нарушающих все партийно-организационные нормы и бьющих в лицо постановлением и избраниям большевистской части съезда, актов и восстановления нормального состава коллегии Б[ольшевистского] ц[ен]тра, я не могу рассматривать ваших собраний иначе, как собрания частной группы, хотя и хорошо спевшихся друг с другом товарищей» (с. 186). Как полагает Эрлихман, «Красин с его упорным нежеланием беспрекословно подчиняться чужой воле мог эффективно работать только в условиях нелегальной деятельности, где он был сам себе хозяин. В эмиграции необходимость подчиняться политической линии Ленина, которая то и дело менялась, вызывала у него протест, а потом и вовсе привела к его отходу от большевиков» (с. 190–191). Вскоре он поссорился и с Богдановым.

После Февральской революции основную опасность Леонид Борисович видел «не в большевиках и не в немцах, а в развале экономики», в «неорганизованности» и всеобщем страхе за будущее. Поэтому он сравни-

тельно быстро восстановил отношения с ЦК партии и прежде всего с Лениным. В книге убедительно доказано, что «водоразделом в отношениях Красина с новой властью стали переговоры о мире с Германией» (с. 214–221). Он выступал тогда одним из консультантов советской делегации.

Таким образом, бывшие разногласия не помешали Красину оказаться ленинским наркомом. Свою задачу он изначально видел в мобилизации «всех лояльных спецов-коммунистов» (с. 234). Характерно, что основной причиной падения национального дохода страны в те годы он считал «не революцию и вызванную ею Гражданскую войну, а иностранную интервенцию» (с. 242). При этом, не стремясь к популярности, Леонид Борисович «пользовался авторитетом только в среде старых большевиков и технических специалистов». Видимо, именно на их отзывы ориентировалась американская журналистка Л. Брайант, утверждавшая в 1920 г., что многие считают Красина лучшим из возможных преемников Ленина. Данное мнение повторилось затем во многих зарубежных газетах (с. 243–244). Но оно свидетельствовало лишь о том, как мало иностранцы знали о расставке сил в руководстве РКП(б).

Как отмечает автор, Красин ценил Ленина более других большевистских лидеров периода Гражданской войны и перехода к нэпу (с. 268). Но и у Сталина, Каменева, Зиновьева и Дзержинского Леонид Борисович вызывал почти не скрываемое раздражение (с. 245). Его подозревали «в попытках оспорить руководящую роль партии и даже реставрировать капитализм, в отрицательном отношении к теории мировой революции и “соглашательстве” с российской и западной буржуазией» (с. 245). С Зиновьевым у Красина помимо идейных разногласий наблюдалась стойкая личная вза-

имная неприязнь. В начале 1920-х гг. они активно обменивались колкостями. Сталин едва ли мог простить то, что в 1922–1923 гг. Леонид Борисович, несмотря на запрет врачей, снабжал Ленина информацией о политической жизни. Напротив, отношения Каменева и Красина представляются далеко не столь мрачными, как они описаны в книге. Они нередко занимали схожие позиции. Так, в 1917 г. оба выступали за образование «однородного социалистического правительства», а в 1922 г., как заметил на XI съезде РКП(б) Ленин, вдвоём могли бы успешно разрешить все советско-хозяйственные проблемы⁴. Как бы то ни было, после смерти Ленина Леонид Борисович смягчил критику партийного руководства, в том числе и в дискуссии о монополии во внешней торговле (с. 282–283, 296). Но, по-видимому, тут сказывалось как осознание «шаткости своей позиции», так и наступление старости (с. 296). Проследивая попытки Красина «поладить с ГПУ, которое то и дело арестовывало его сотрудников, собирая компромат на его самого», Эрлихман вслед за Соломоном считает, что Красин спасал себя (с. 341). Между тем он скорее надеялся с помощью уступок спасти от чекистов близких ему людей, включая двух братьев. Непосредственно же Леониду Борисовичу репрессии не угрожали.

Красин угасал долго и мучительно, однако чувство юмора не изменяло ему до конца. Незадолго до смерти он иронизировал в письме: «Я отправляюсь с докладом к Ильичу...» (с. 351). «Не оставив потомков, носящих его фамилию, Красин не написал ни научных трудов, ни обстоятельных мемуаров, ни яркой публицистики, — констатирует Эрлихман. — Как верно отмечали знавшие его люди, он был прежде всего практиком, нацеленным на скорейшее достижение результа-

та. Каждое дело, которое ему поручалось, он выполнял добросовестно, не забывая при этом о своей выгоде и удобстве. Если многие его коллеги по революции стремились прежде всего разрушить старое (а часто только это и умели), то он всегда стремился создавать новое и трезвым взглядом инженера видел его ростки даже в самой неприглядной действительности» (с. 365). Однако приведённый в книге материал не позволяет судить о том, «верил ли он в социализм» и насколько «он верил в великое будущее России, на благо которой работал всю жизнь» (с. 365). В Эпilogue автор вспоминает о красинской мечте построить страну, в которой «люди могли бы свободно делать своё дело без окрика сверху» (с. 373). Но в советское время она уж точно не стала реальностью.

При всех своих достоинствах исследование Эрлихмана несомненно выиграло бы, если бы он больше внимания уделил протоколам и стенографическим отчётам съездов и конференций РСДРП и РКП(б). Тогда ему удалось бы точнее очертить роль Красина как одного из большевистских вождей и избежать курьёзных промахов. В частности, прибывшие на II съезд РСДРП бакинские товарищи не могли стать «свидетелями свар и склок между сторонниками Ленина и Г.В. Плеханова, получившими вскоре прозвища большевиков и меньшевиков» (с. 106), поскольку «отец русского марксизма» перешёл в меньшевистский лагерь не во время съезда, а *после* него. Партия большевиков в 1923 г. именовалась не ВКП(б), а РКП(б) (с. 293). Наконец, досадные опечатки допущены в сносах 139, 234, 283, 323 (указана первая опись ф. 124 вместо третьей), 261 и 284 (ошибочно стоит «Там же»).

И всё же книга В.В. Эрлихмана, вышедшая в серии «Страницы советской и российской истории», которую издаёт АФК «Система», будет полезна

не только специалистам, но и всем, интересующимся политической историей XX в. Вероятно, она оживит интерес к фигуре Л.Б. Красина и стимулирует дальнейшее её изучение.

Примечания

¹ См., в частности: *Могилевский Б.Л.* «Никитич». М., 1963; *Могилевский Б.Л.* Призвание

инженера Красина. М., 1970; *Могилевский Б.Л., Прокофьев В.А.* Три жизни Красина. М., 1968; *Кремнев Б.Г.* Красин. М., 1968; *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Советской страны дипломат. М., 1968.

² *Хромов С.С.* Леонид Красин: Неизвестные страницы биографии, 1920–1926 гг. М., 2001. С. 3.

³ *О'Коннор Т.Э.* Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.

⁴ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 101.

Анатолий Кононенко

Рец. на: А.В. Сушков. Империя товарища Кабакова.

Уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург:

Альфа Принт, 2019. 292 с.

Anatoly Kononenko

(Tyumen State University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Sushkov. Imperiya tovarishcha Kabakova.

Ural'skaya partnomenklatura v 1930-e gody. Yekaterinburg, 2019

DOI: 10.31857/S2949124X23050188, EDN: OKZGVT

Политические репрессии в СССР 1930-х гг. — традиционный объект интереса историков. Тем не менее исследований чисток номенклатурных работников регионального и городского уровня сравнительно немного, а феномен «кадровой революции» 1937–1938 гг. остаётся в тени «Большого террора». Новая книга екатеринбургского историка А.В. Сушкова затрагивает именно эту проблематику. Она посвящена ликвидации всего регионального партийно-государственного аппарата Свердловской обл. в 1937 г. Автор поставил перед собой задачу изучить и отразить повседневную жизнь и управленческие практики структур власти Урала в период, когда их возглавлял И.Д. Кабаков (1929–1937). Источниковой базой исследования стали документы, хранящиеся в фондах Центра документации общественных организаций Свердловской области, Государственного архива ад-

министративных органов Свердловской области, РГАСПИ, материалы съездов и пленумов ЦК ВКП(б), пленумов и конференций Свердловской партийной организации, контрольной комиссии ЦК ВКП(б) при Свердловском обкоме, периодическая печать. Книга состоит из предисловия, шести глав, заключения и примечаний.

Первая глава повествует о кадровой политике, основу которой составляли назначение и кооптация. С середины 1930-х гг. с высоких трибун звучали призывы покончить с кумовством, сватовством и протекционизмом, ставилась задача пресечь кооптацию городских, районных и областных руководителей. По справедливому замечанию автора, Кабаков на публике поддерживал все инициативы руководителя партии И.В. Сталина, но на деле не стремился преодолеть эти пороки. Он окружил себя представителями «тульского земляче-